

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ГОД ПРЕБЫВАНИЯ У ВЛАСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВА ШЕХБАЗА ШАРИФА: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

© 2023

В. Я. Белокреницкий, И. Н. Серенко¹

Данная статья представляет собой обзор круглого стола «Год пребывания у власти правительства Шехбаза Шарифа: итоги и перспективы». Мероприятие проходило 24 апреля 2023 г. в Институте востоковедения РАН. В заседании круглого стола приняли участие ведущие эксперты российских аналитических и академических учреждений страны, представители Комитета по экономическому сотрудничеству со странами Азии и Океании, Делового совета по сотрудничеству с Пакистаном при ТПП РФ, а также Российского Дома международного научно-технического сотрудничества. Выступления и доклады многочисленных участников развернувшейся дискуссии охватывали широкий спектр актуальных проблем внутренней и внешней политики, с которыми пришлось столкнуться коалиционному правительству альянса партий «Пакистанского демократического движения» в течение годичного пребывания у власти в стране (2022–2023). Основное внимание докладчиков было уделено влиянию внутренних и внешних факторов на текущую ситуацию в Пакистане с выходом на региональную обстановку, в том числе на непростые отношения с соседними государствами на его западной и восточной границах. Были также рассмотрены возможные варианты экономического и политического характера по снижению напряженности между ними в условиях процессов региональной интеграции. При этом, исходя из Новой внешнеполитической концепции Российской Федерации (2023), были отмечены ориентиры Москвы на дальнейшее продвижение российско-пакистанских отношений по позитивной траектории в условиях перехода к многополярному миру со смещением центров экономической и политической активности с Запада в Азию, что способствует возрастанию стратегического значения евразийских интеграционных процессов. В результате проведенного комплексного ситуационного анализа по Пакистану эксперты выявили определенную степень преемственности внешнеполитического курса сменявших друг друга правительств во главе с Имраном Ханом и Шехбазом Шарифом во взаимодействии с Москвой. Он определяется общностью геостратегических интересов двух стран на региональном и глобальном уровнях и детерминирует перспективы их долгосрочного многопланового сотрудничества в двустороннем и многостороннем форматах в различных евразийских структурах и объединениях, включая ШОС.

Ключевые слова: Евразийская интеграция, парламентские выборы, пакистано-российские отношения, «Пакистанский поток», талибы

Для цитирования: Белокреницкий В. Я. Круглый стол «Год пребывания у власти правительства Шехбаза Шарифа: итоги и перспективы». *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 3. С. 241–262.
DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-241-262

¹ Белокреницкий Вячеслав Яковлевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, Москва; enitsky@yandex.ru

Vyacheslav Y. Belokrenitsky, DSc (History), Professor, Head of the Centre for the Study of Near and Middle Eastern Countries, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; enitsky@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8471-928X

Серенко Ирина Николаевна, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Институт востоковедения РАН, Москва; serenko9@mail.ru

Irina N. Serenko, PhD (Education), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; serenko9@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4949-254X

ONE -YEAR OF SHEHBAS SHARIF'S GOVERNMENT IN POWER: RESULTS AND PROSPECTS

Vyacheslav Y. Belokrenitsky, Irina N. Serenko

This article is a review of the round table «One year of Shehbaz Sharif's government in power: results and prospects». The event was held on April 24, 2023 at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. The round table was attended by the leading experts of Russian analytical and academic institutions, staff members of the Committee for Economic Cooperation with Countries of Asia and Oceania, Business Council for Cooperation with Pakistan at the CCI of the Russian Federation, as well as the Russian House of International Scientific and Technical Cooperation. The speeches and reports of numerous participants in the unfolding discussion covered a wide range of relevant internal and external policy issues which the coalition government of the Pakistan Democratic Movement parties' Alliance had to face during its one-year stay in power in the country(2022–2023). The speakers focused on the impact of internal and external factors on the current situation in Pakistan with the overview on the regional situation, including the complicated relations with the neighboring states on its western and eastern borders. Feasible economic and political options to reduce tensions between them in the context of regional integration processes were also under discussion. Meanwhile, proceeding from the New Foreign Policy Concept of the Russian Federation (2023), Moscow's guidelines for further promotion of Russia–Pakistan relations on a positive trajectory were marked in the realities of transition to a multipolar world with the shift of the centers of economic and political activities from the West to Asia, which contributes to the increasing strategic importance of Eurasian integration processes. As a result of Pakistan comprehensive situational analysis, experts have identified a certain degree of succession in the foreign policy course of changing governments headed by Imran Khan and Shehbaz Sharif on cooperation with Moscow. It is defined from the common geostrategic interests of the two countries at the regional and global levels and determines the prospects of their long-term multidimensional cooperation in bilateral and multilateral formats in various Eurasian structures and associations, including SCO.

Keywords: Eurasian integration, parliamentary elections, Pakistan–Russia relations, “Pakistan stream”, Taliban

For citation: Belokrenitsky V. Y., Serenko I. N. Round table “One-Year Shehbaz Sharif's Government in Power: Results and Prospects”. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2023. No. 3. Pp. 241–262. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-241-262

В Институте востоковедения РАН 24 апреля 2023 г. состоялся круглый стол на тему «Год пребывания у власти правительства Шехбаза Шарифа: итоги и перспективы». Инициатором проведения состоявшейся дискуссии выступил сектор Пакистана Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН (ЦИС БСВ ИВ РАН). В данном мероприятии приняли участие научный руководитель ИВ РАН акад. В. В. Наумкин, ведущие эксперты российских аналитических и академических учреждений страны, представители Комитета по экономическому сотрудничеству со странами Азии и Океании, Делового совета по сотрудничеству с Пакистаном при ТПП РФ, а также Российского Дома международного научно-технического сотрудничества.

Работу круглого стола открыл заместитель директора по научной работе ИВ РАН В. А. Кузнецов. Он обратился к собравшимся участникам со вступительным словом, в котором расставил акценты дискуссионной тематики и призвал экспертов провести углубленный анализ внутренней и внешней политики Исламабада за истекший год пребывания у власти

правительства Шехбаза Шарифа с выходом на возможные сценарии дальнейшего развития Пакистана и выявлением имеющегося потенциала расширения российско-пакистанского сотрудничества. Совместно с заведующим ЦИС БСВ ИВ РАН В. Я. Белокреницким В. А. Кузнецов выступил также модератором состоявшейся аналитической дискуссии экспертов по Пакистану и сопредельным странам.

Белокреницкий В. Я. (ИВ РАН), открывая обсуждение насыщенной повестки круглого стола, осветил вопросы «Экономической политики правительства Ш. Шарифа и социально-экономического положения в стране». Он остановился на четырех вопросах. Первый из них — экономические итоги пребывания у власти кабинета Шехбаза Шарифа. В целом они крайне неутешительны. Инфляция оценивается в годовом исчислении в 35% округленно, цена продовольствия увеличилась на 47%, транспортные расходы — на 55%. Инвалютные резервы сократились до 3–4 млрд долл. США (далее — долл.), их хватает на оплату импорта в течение одного месяца, хотя еще в августе 2021 г. они равнялись 20 млрд долл. Внешний долг превышает 100 млрд долл. Значительная его часть состоит из наступающих в ближайшее время выплат, поэтому правительству требуется все время занимать деньги, чтобы расплачиваться с долгами.

Таким образом, результаты пребывания у власти нового кабинета министров в экономической сфере негативны и связаны как с глубинными причинами, так и с политическим кризисом, который развернулся с начала прошлого года. В динамике это хорошо заметно на обменном курсе национальной валюты. Еще в феврале прошлого года курс был на уровне 170 рупий за американский доллар, в начале апреля еще при Имран Хане — 184 рупии, а в мае упал до 193. Девальвация вдвое по сравнению с периодом пребывания у власти в 2013–2017 гг. правительства Наваза Шарифа — тогда был стабильный курс в 90–100 рупий. Летом прошлого года курс превысил 200 рупий. Когда во второй раз он пересек черту в 240 рупий в условиях сохраняющейся популярности Имран Хана, было принято решение заменить министра финансов Мифтаха Исмаила на Исхака Дара, автора политики твердого курса рупии. В сентябре Дар вернулся из Лондона, стал сенатором и немедленно министром финансов. Пытался поднять цену рупии, удалось до 220, но потом курс вновь попал вниз и в апреле этого года достиг антирекорда в 288 рупий, почти 300, затем снизился до 284.

Второй вопрос, как подчеркнул В. Я. Белокреницкий, — это именно вопрос, ответ на который не вполне ясен: почему МВФ отказывает в размораживании программы расширенной льготной помощи, согласованной в мае 2019 г. правительством Имран Хана? Ведь еще в феврале 2022 г. МВФ предоставил Пакистану третий транш в размере 1,05 млрд долл. и тем самым перевел ему половину — 3 млрд из обещанных 6 млрд. Более того, согласно официальным сообщениям в печати, в течение следующих семи месяцев вся сумма должна была быть предоставлена в марте, июле и сентябре. Очевидно, что наступившая политическая нестабильность и смена правительства изменили дело.

Мифтах Исмаил, отметил докладчик, был поначалу настроен оптимистически. Ездил в Вашингтон, в штаб-квартиру МВФ и столицу США, которые, как известно, стоят за МВФ, но не договорился, затем туда ездил начальник штаба армии генерал К. Баджва, встречался с зам. госсекретаря Венди Шерманом, говорил, видимо, о том же — и вновь ничего. При этом Баджва старался отреститься от Имран Хана с его поддержкой Москвы после начала СВО, заявляя, что Россия должна прекратить войну. Все это опять же не помогло. Между тем акции правительства падали, популярность Имран Хана росла.

Летом в Пакистане начались дожди, с конца июня не прекращались до начала сентября, под водой оказалось до трети равнинных площадей. Произошло наводнение, сравнимое

только с наводнением 2010 г. Пострадало в этот раз до 15% населения — более 30 млн человек. Случилась настоящая гуманитарная катастрофа, ударившая по самым отсталым и бедствующим регионам страны — сельскому Синду, Белуджистану, Южному Панджабу и пуштунской провинции Хайбер-Пахтунхва. Ущерб от стихии оценивается в 20–30 млрд долларов.

В. Я. Белокреницкий высказал мнение, что наводнение было бы удачным предлогом для США укрепить своего союзника в регионе, дать передышку правительству Шехбаза, охладить пыл Имран Хана и его сторонников. Имран легко выиграл дополнительные выборы депутатов федерального и провинциальных собраний в октябре, хотя его немедленно дисквалифицировали. Но Исламабаду ничто не помогло добиться позитива от переговоров в рамках 7, 8 и 9-го пересмотров (ревью) ситуации с расширенной программой льготной помощи, хотя достигнута как будто договоренность об ее увеличении до 6,5 или 7 млрд долларов.

Аппарат МВФ в последнее время настаивает на получении Пакистаном заверений от дружественных стран в предоставлении финансовой поддержки в 3–4 млрд долл. Саудовская Аравия обещает 2 млрд, Объединенные Арабские Эмираты — еще 1 млрд. Китай тоже не отказывает в поддержке. При этом правительство и при Даре проводит рекомендуемую МВФ экономическую политику — отпустило рупию в свободное плавание, увеличил, и серьезно тарифы на импорт, сократило госсубсидии, подняло налоги, ввело новые налоги, уменьшив тем самым бюджетный и платежный дефициты, хотя и не ликвидировав их.

А между тем, отметил В. Я. Белокреницкий, экономика сжалась за счет существенного сокращения общего товаро- и услугооборота. Пакистан вывозит не столько товары и услуги, сколько рабочую силу, причем как малоквалифицированную, так и достаточно квалифицированную. Две трети мигрантов, по некоторым оценкам, направляются на Ближний и Средний Восток и около трети, в массе самых образованных, в США, Англию и ЕС.

Сжатие экономики привело к тому, что после года ковидного провала (сокращение ВВП на 1%) и двух лет высокого на уровне 6% прироста, в значительной мере фиктивного (нарисованного местными бюрократами), темп роста в нынешнем финансовом году, с июля 2022 г. по июнь 2023 г., ожидается на уровне 0,5%. То есть речь идет о сокращении душевого дохода, поскольку рост населения по-прежнему превышает 2% в год. И в среднем за последние четыре года прирост ВВП едва превышает прирост населения.

Третий вопрос, который осветил в своем выступлении В. Я. Белокреницкий, касался более глубинной темы о причинах экономического провала Пакистана. Ведь еще в 2000 г. он находился в достаточно благоприятном экономическом положении, немного обгонял даже Индию, не говоря о Бангладеш, по доходу на душу населения в сопоставимых ценах и с учетом покупательной способности валют. Однако за последние два с небольшим десятилетия ситуация серьезно изменилась. Пакистан сильно отставал на протяжении всего периода от Индии и Бангладеш. Душевой доход в Бангладеш превосходит ныне пакистанский на 63%. По величине ВВП Бангладеш (бывшая нищая Восточная Бенгалия) находится на 33-м месте в мире, а Пакистан — на 43-м.

За два десятилетия нынешнего века произошло сокращение доли индустрии (крупной обрабатывающей и горнодобывающей промышленности, строительства и инфраструктуры) в структуре ВВП, т.е. деиндустриализация (19% ВВП). Доля сельского хозяйства также упала до 23%. Возрос удельный вес сферы услуг до почти 60%. По мнению докладчика, это преждевременные и экономически не обоснованные тенденции. Пакистан потерял свои позиции на рынке развитых стран, хотя в начале века ему предоставили большие льготы и возможности — после разворота Мушаррафа на борьбу с терроризмом сняли санкции и ограничения, предоставили

квоты на импорт и льготы. Всем этим частный сектор Пакистана не смог воспользоваться. Сказались, на взгляд докладчика, слабость предпринимательского класса, отъезд из страны промышленников первого поколения после реформ З. А. Бхутто в начале 70-х гг. Вторая причина — это нехватка кадров: квалифицированные рабочие стали уезжать в 80-х гг. при Зия-уль-Хаке. Третья причина — недостаточное внимание государства к экономике, к индустриализации, главное его внимание привлекали проблемы безопасности и региональной geopolитики.

Вследствие этого средств на социальные сектора, на образование и здравоохранение не хватало. Собираемость налогов, особенно прямых с физических лиц, была и остается крайне низкой, отсюда бюджетный, фискальный дефицит. Низкая собираемость налогов, освобождение от налогов владельцев земли, в том числе крупных землевладельцев и владельцев городской недвижимости, — коренные пороки пакистанской социально-экономической системы, обуславливающие низкую норму внутренних сбережений и инвестиций.

Последний вопрос, который затронул В. Я. Белокреницкий, — это общее социально-экономическое положение в стране спустя год после прихода к власти нового правительства. Из всего сказанного им вытекает, что оно в настоящий момент самое плачевное. Из Пакистана бегут. По оценке в пакистанской прессе, за год пребывания у власти правительства Шехбаза Шарифа уехал миллион пакистанцев, а может быть, и миллионы. Уезжают, чтобы прокормить семью: работы нет, а цены растут. Средний городской класс, по оценкам, обеспечен хуже, чем в других странах с близким по величине душевым доходом. Среди пакистанцев распространены усталость, фатализм. Падает, по всей видимости, вера в Пакистан и будущее страны.

Замараева Н. А. (ИВ РАН), приступая к раскрытию темы доклада «Пакистан: генералитет и борьба политических партий в преддверии всеобщих выборов 2023 года», выдвинула тезис о том, что вотум недоверия и последовавшая отставка премьер-министра Имран Хана в апреле 2022 г. «оборвали» тенденцию смены гражданских правительств, отработавших полный конституционный срок (2008–2013 гг., 2013–2018 гг.); «вернулось» доминирование двухпартийной системы — Пакистанской мусульманской лиги-Наваз/ПМЛ (Н) и Пакистанской народной партии/ПНП, которые в альянсе с небольшими партиями формировали центральные правительства и способствовали возвращению в большую политику традиционных кланов (Шарифы/Бхутто-Зардари). При этом «хрупкое» коалиционное правительство с целью удержаться во власти избегает стратегических решений, что замедляет курс требуемых социально-экономических реформ. Вызовом для пакистанского общества остается отсутствие в стране новых национальных гражданских политических лидеров.

Докладчик отметила, что по итогам голосования в Национальной ассамблее в апреле 2022 г. к власти пришла коалиция из 13 партий, ключевые посты в ней принадлежат ПМЛ (Н) и ПНП. Премьер-министром был избран Шехбаз Шариф. Его брат — трижды экс-премьер-министр, трижды досрочно покинувший этот пост Наваз Шариф с 2019 г. проживает в Лондоне. Внешнеполитический блок возглавил сопредседатель ПНП Билавал Бхутто-Зардари.

В результате состоявшегося вотума недоверия Имран Хану депутаты от бывшей правящей партии Пакистанское движение справедливости (ПДС) покинули Национальную ассамблею (НА); численность депутатского корпуса сократилась, что затруднило процедуры принятия решений. Разногласия альянса ПМЛ (Н)/ПНП и бывшей правящей ПДС остаются непреодолимыми, поиск политических решений споров исключен.

Характеризуя стратегию «возвращения во власть» альянса ПМЛ (Н) /ПНП в 2022–2023 гг., докладчик остановилась на следующих пунктах ее повестки:

1. Политическая «казнь» И. Хана; судебное преследование, блокировка инициатив, направленных на проведение отдельных выборов в провинциях Панджаб и Хайбер-Пахтунхва;
2. Организация мер, направленных на блокировку «победы» И. Хана на всеобщих парламентских выборах в 2023 г.;
3. Сохранение власти до истечения срока полномочий депутатов НА в августе 2023 г. с целью одержать победу на всеобщих парламентских выборах в ноябре 2023 г.;
4. Достижение победы ПМЛ (Н) на всеобщих парламентских выборах; премьерство представителей клана Шарифов (Наваз Шариф, Марьям Наваз, Шехбаз Шариф).

При этом в стратегии экс-премьера И. Хана в 2022–2023 гг. докладчиком были выделены следующие цели:

- победа на дополнительных выборах в Панджабе;
- выборы в Хайбер-Патунхва и Панджабе по истечении срока полномочий депутатов провинциальных собраний;
- досрочные всеобщие парламентские выборы.

В докладе также отмечалось, что Пакистан в 2022–2023 гг. сталкивается с многоаспектным кризисом, который затронул большинство государственных институтов. Жесткая борьба политических оппонентов стала результатом противостояния:

- правящей администрации и оппозиционной ПДС («Техрик-и инсаф Пакистан»);
- законодательной власти и президента Арифа Алви;
- законодательной и судебной ветвей;
- исполнительных органов (т.е. Избирательная комиссия Пакистана) и Верховного суда.

В докладе было подчеркнуто, что наблюдаемая в стране поляризация политических сил проходит в сложных условиях при наличии ряда негативных факторов:

- глубокого экономического кризиса; спада промышленного производства, постоянных внешних заимствований (Китай, КСА, ОАЭ, МВФ);
- роста террористической активности запрещенных группировок вдоль линии границы на северо-востоке и во внутренних районах страны;
- гуманитарной катастрофы вследствие наводнения летом 2022 г., совокупная стоимость экономических потерь — 30 млрд долларов.

При этом, как отмечено в докладе, экс-премьер Имран Хан в качестве лидера оппозиции вступил в прямую конфронтацию с различными властными структурами: генералитетом (обвинения в поддержке оппозиционной кампании в отсутствии недоверия), коллегией Верховного суда; Избирательной комиссией.

Его цель — провести досрочные парламентские выборы для возвращения во власть на фоне протестов (в мае и октябре 2022 г. оппозиция провела Длинные марши протеста на Исламабад).

В то же время действующий глава федерального кабинета министров Шехбаз Шариф с первых дней прихода к власти поспешил заручиться поддержкой генералитета: передал принадлежащей военным частной компании подряд на проект стоимостью 1 млрд рупий в апреле 2022 г.; предоставил Межведомственной военной разведке осуществлять контроль за государственными служащими (продвижение по службе) и назначение судей в высшие судебные органы, безоговорочно поддержал в ноябре 2022 г. кандидатуру военного истеблишмента на пост начальника штаба сухопутных войск генерала А. Мунира.

Докладчиком были выделены следующие основные этапы борьбы за власть правящей коалиции и политической оппозиции в 2022–2023 гг.:

- «обнуление» большинства законодательных актов, принятых депутатским корпусом в 2018 г.— начале 2021 г. (наиболее важный — Закон о поправках к выборам 2021 г.);
- законопроект о внесении поправок в Постановление о национальной подотчетности 1999 г., тем самым правящая администрация Ш. Шарифа демонстрировала отказ от проведения структурных социально-экономических реформ;
- судебное преследование экс-премьера И. Хана и его сторонников;
- попытки отмены всех судебных обвинений кланов Шарифов/ Бхутто-Зардари и их соратников;
- возврат во власть ПМЛ (Н) и ПНП своей команды, члены правительства Наваз Шарифа (статус июля 2017 г.) вновь получили свои министерские портфели в 2022 г.;
- «Шарифизация» — назначение на ключевые государственные посты преданных Шарифам/Бхутто-Зардари людей.

Далее Н. А. Замараева остановилась на первой схватке за Панджаб между ПМЛ(Н) и ПДС. Она отметила, что Хамза Шахбаз, сын премьера Шехбаза Шарифа, был избран главным министром провинции Панджаб, но Верховный суд отменил назначение. В итоге провинция столкнулась с конституционным кризисом. Победа партии И. Хана на дополнительных выборах осенью 2022 г. укрепила ее позиции в Панджабе. Дисквалификация лидера оппозиции Избирательной комиссией по делу Тошаханы не повлияла на его поддержку массами избирателей.

В выступлении были также отмечены такие факты, свидетельствующие о попытках правящей коалиции укрепить свои позиции, как «исключение имен» (клана Шарифов и членов бывшего правительства Наваз Шарифа) из Списка контроля за выездом (удалены имена лиц, причастных к коррупции и хищению, неуплате налогов).

Во внешнеполитической повестке правительства Ш. Шарифа докладчиком были выделены следующие основные направления:

- Нормализация отношений с США — один из главных внешнеполитических приоритетов правительства Ш. Шарифа. Вашингтон «вернулся» посла США в Исламабад. Одна из целей — предоставление кредита в размере 6 млрд долларов и восстановление Программы МВФ, которая была приостановлена в конце срока полномочий И. Хана.
- Урегулирование (невоенным путем) с Индией нерешенных споров, включая Джамму и Кашмир.
- Ускорение развития проектов КПЭК совместно с Китаем; увеличение объема инвестиций в индустриализацию, сельское хозяйство и цифровые технологии.

В результате проведенного анализа Н. А. Замараевой были сделаны следующие выводы: победитель на предполагаемых выборах 2023 г. не будет в полной мере легитимен. Альянс ПМЛ (Н)/ПНП ставит цель политтехнологам «обеспечить» победу на всеобщих парламентских выборах в 2023 г. Но партия, ее «отработанные в прошлом» кадры не предлагают новой программы развития Пакистана, обновленного «видения»; у новых лиц ПМЛ(Н) — Марьям Наваз и Хамсы Шарифа, а также у Билавала Бхутто-Зардари нет такого стратегического видения.

Филимонова А. А. (ИСАА МГУ), выступая с докладом «Перспективы «Демократического движения Пакистана» через призму ситуации в Панджабе», рассмотрела двухэтапный политический кризис, начавшийся в марте 2022 г. и получивший новый импульс в январе 2023 г. Оба этапа, на ее взгляд, были спровоцированы действиями правившей в Панджабе партией «Пакистан тэхрик-и инсаф» (ПТИ, или ПДС). Утверждая, что первый микрокризис стал прелюдией

к отставке правительства Имран Хана, докладчик попыталась ответить на вопрос, станет ли второй из них по счету прелюдий к отставке правительства Шехбаза Шарифа?

В докладе, в частности, отмечалось, что в конце марта 2022 г. Имран Хан, будучи тогда еще премьер-министром (до вотума недоверия оставалось меньше двух недель), пошел на замену главного министра Панджаба. Член ПТИ Усман Буздар был заменен на лидера «Пакистанской мусульманской лиги-Каид» (ПМЛ-К) Первеза Элахи. Официальным мотивом было заявлено стремление укрепить альянс между ПТИ и ПМЛ-К на федеральном уровне. Однако, с учетом весьма незначительной представленности ПМЛ-К в Национальной ассамблее (5 мест), основной целью этого маневра Имран Хана было, видимо, не потерять Панджаб. Для ПТИ была жизненно важна коалиция с ПМЛ-К, т.к. в провинциальной ассамблее Панджаба у них было 184 места, а для большинства необходимо было иметь 186. И потому 10 мест ПМЛ-К были определяющими.

Замена главного министра Панджаба не прошла гладко: все свои ресурсы задействовала правительственныйная партия «Пакистанская мусульманская лига-Наваза» (ПМЛ-Н). На фоне отставки федерального правительства на эту должность был избран сын нового премьер-министра Хамза Шехбаз. Только через Верховный суд ПТИ удалось добиться перевыборов, утвердив все-таки на этом посту Первеза Элахи.

В январе 2023 г. ситуация в Панджабе получила дальнейшее развитие: Имран Хан приказал П. Элахи распустить панджабскую ассамблею, предварительно получив от нее 12 января вотум доверия. За распуском ассамблеи в Панджабе 14 января последовал распуск 18 января ассамблеи Хайбер-Пахтунхвы. Таким образом, в двух провинциях, где у ПТИ было большинство мест, партия осознанно дестабилизировала ситуацию. Эксперты расценили подобную политику ПТИ как составную часть стратегии партии, направленную на проведение в стране досрочных выборов.

Расчет на то, что досрочные выборы в Панджабе и Хайбер-Пахтунхве (ХП) спровоцируют досрочные выборы в Пакистане, по мнению докладчика, в целом пока не оправдался. При этом первая его часть близка к реализации, учитывая, что Верховный суд назначил на 14 мая 2023 г. выборы в Панджабе и Хайбер-Пахтунхве. Общефедеральные должны пройти в запланированный срок — 8 октября текущего года. Выполнимость постановления ВС в условиях нежелания федерального правительства считаться с ним остается под вопросом.

Но с другой стороны, как отметила А. Л. Филимонова, если они состоятся, то с большой долей вероятности предопределят исход ситуации с федеральными выборами. Аналитики расценивают панджабские выборы как вотум доверия правительству ПДМ в лице его основной партии — ПМЛ-Н. Важность Панджаба для пакистанской политики невозможно переоценить. Эта самая многонаселенная и экономически развитая провинция традиционно выполняет роль лакмусовой бумаги.

Очередным доказательством этого стала чехарда главных министров (четверо за последний год), представлявших попеременно то ПТИ, то ПМЛ-Н. Эта ожесточенная конкуренция за Панджаб представляется разминкой в преддверии федеральных выборов (вне зависимости от того, будут они досрочными или нет). Именно выборами в провинциальную ассамблею Панджаба откроется, если, конечно, откроется, череда досрочных выборов.

В случае поражения в Панджабе ПМЛ-Н (ведущая партия альянса ПДМ) потеряет многое: ее проигрыш докажет, что успех ПТИ на выборах 2018 г. не был случайностью. Докладчик отметила, что с момента отмены военного положения 9 апреля 1985 г. Панджаб оставался вотчиной семейного клана Шарифов. Но с 2018 г. там выясняют отношения сторонники Имран

Хана, семейства Шарифов и клана Чоудхури. В борьбе за Панджаб ПМЛ-Н проиграла уже дважды, уступив ПТИ на выборах в 2018 г. и не сумев отстоять Хамзу Шехбаза на втором голосовании 22 июля 2022 г. в качестве главного министра. Большую часть времени после 2018 г. Панджаб оставался в руках ПТИ.

Социологические опросы, проведенные после отставки Имран Хана, свидетельствуют о сильных позициях ПТИ в Панджабе, причем динамика также в пользу данной партии. Рейтинг ПТИ вырос с 46,8% в июле 2022 г. до 50,6% в апреле 2023 г. Одновременно уровень поддержки ПМЛ-Н упал с 39,5% до 34,8%. За год нахождения Шехбаза Шарифа в должности премьер-министра ПДМ не сумела вернуть себе Панджаб. При этом ПТИ извлекает из своего положения там всю возможную выгоду.

По мнению А. А. Филимоновой, направление, выбранное ПТИ,— это путь малых побед, где каждый шаг — достижение, а каждый последующий шаг — большее достижение, чем предыдущий. Лишив провинции Панджаб и Хайбер-Пахтунхвы их ассамблей и правительства, создав там политический кризис, ПТИ задала условия «плохой игры». Однако в созданной ПТИ ситуации любой исход несет для нее политические выгоды. Сам факт досрочных выборов, даже только на провинциальном уровне, не говоря уже о федеральном, сыграет на руку ПТИ. Необходимость готовиться к выборам переформатирует существующие политические договоренности, которые на данный момент не в пользу ПТИ. Так, ПМЛ-К с учетом происходящих событий уже лишилась президента: Чоудхури Шуджат Хуссейн (бессменный лидер партии с 2003 г.) поддержал ПМЛ-Н, что привело к его смещению и внутрипартийному кризису, который фактически приобрел черты семейного конфликта. Младший брат Чоудхури Шуджата Хуссейна — Чоудхури Ваджакат Хуссейн обратился с петицией в Высший суд (ВС) Лахора, требуя, чтобы избирательная комиссия Пакистана признала лидером партии именно его, а не Шуджата Хуссейна. ВС Лахора 22 марта 2023 г. согласился с позицией Ваджаката Хуссейна.

Предсказываемая экспертами победа ПТИ на досрочных выборах в Панджабе, как полагает докладчик, нанесет удар по позициям федерального правительства. ПДМ — весьма расплывчатый и условный альянс истинных участников и сочувствующих. Если главная партия альянса — ПМЛ-Н — продемонстрирует несостоятельность в Панджабе, это поставит под вопрос как ее лидерство в ПДМ, так и существование данной коалиции в принципе.

В результате проведенного анализа А. А. Филимонова приходит к выводу, что даже если выборы не будут досрочными и пройдут одновременно на всех уровнях, как планировалось 8 октября 2023 г., ПТИ в любом случае окажется в более выгодной позиции, чем правящая коалиция. И как бы ни разрешилась сложившаяся в Панджабе ситуация, она со всей очевидностью будет иметь резонанс во всем Пакистане, а угрозы, которые она создает для правительства Шехбаза Шарифа, нельзя недооценивать.

Чекризова О. П. (ИВ РАН) в своем выступлении затронула вопрос о влиянии политики правительства Ш. Шарифа на положение религиозных меньшинств. Она подчеркнула, что в отличие от только что обсуждавшихся кардинальных для политической ситуации проблем ее тема является частной и не окажет сама по себе серьезного воздействия на борьбу политических сил. Вместе с тем сама проблематика религиозных меньшинств продолжает и при нынешнем правительстве привлекать к себе внимание. Дело в том, что она отражается на обстановке в сфере безопасности. Население Пакистана, напомнила докладчик, на 96% состоит из мусульман. Из 4% немусульман большинство составляют христиане Панджаба, индуисты Синда, а также и считающие себя мусульманами ахмадийцы (члены секты ахмадий). По Закону о богохульстве в конце XX в. пострадали многие ахмадийцы, но в последнее время отношение в Пакистане

к ним смягчилось. Нынешнее правительство продолжает политику более терпимого отношения к религиозным меньшинствам, стремясь подчеркнуть тот контраст, который, по распространенному в Пакистане мнению, существует между положением меньшинств в нем и в Индии, где мусульмане подвергаются дискриминации.

Серенко И. Н. (ИВ РАН), приступая к раскрытию темы доклада «Российско-пакистанские отношения в период правления правительства Шехбаза Шарифа», задалась вопросом о том, почему Пакистан, несмотря на столь сложное политическое и экономическое положение, фактически находящийся на грани дефолта, занимает во внешнеполитической повестке Москвы все больше места? Ответ, по ее мнению, можно найти в Новой внешнеполитической концепции Российской Федерации (2023), которая нацелена на «неприятие гегемонии в международных делах», на выстраивание многополярного мира в сложных условиях кризиса глобального миропорядка. Большое внимание в ней также отводится развитию широкого партнерства России как «самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы», с дружественными ей странами на всем евразийском континенте с учетом национальных интересов и взаимовыгодного сотрудничества всех вовлеченных в многоплановые интеграционные процессы участников. На фоне усиления процессов региональной интеграции примером такого межгосударственного взаимодействия, по мнению докладчика, могут служить расширяющиеся российско-пакистанские связи, несмотря на сохраняющиеся сложные условия глобальной экономической и политической трансформации. Между двумя регионально близкими государствами наблюдается сохранение внешнеполитического курса Москвы и Исламабада на реализацию евразийских интеграционных процессов, учитывающих их национальные интересы и безопасность, общую заинтересованность сторон в урегулировании совместными усилиями ситуации в Афганистане для его подключения к многочисленным взаимовыгодным региональным проектам.

И. Н. Серенко далее сослалась на послание президента РФ В. В. Путина Федеральному собранию 21 февраля 2023 г., где было указано на необходимость «расширять перспективные внешнеэкономические связи и выстраивать новые логистические коридоры» с учетом развития международного коридора Север–Юг, позволяющего создать «новые маршруты для делового сотрудничества с Индией, Ираном, Пакистаном, странами Ближнего Востока». Докладчик приходит к выводу о том, что Пакистан начинает рассматриваться Москвой в качестве важного участника процессов многоплановой евразийской интеграции. При этом ею было высказано сожаление о том, что начавшееся динамичное сближение между Пакистаном и Россией, которое наблюдалось в период правления правительства Имран Хана (2018–2022), не получило столь же стремительного развития с приходом к власти в апреле 2022 г. нового правительства во главе с Шехбазом Шарифом. На начальном этапе его внешнеполитической повестки отношения с Россией фактически отошли на второй план с учетом введенных антироссийских санкций и продолжавшегося давления на Пакистан с целью осудить специальную военную операцию Москвы на Украине. Свой первый официальный визит в статусе министра иностранных дел нового правительства Б. Бхутто-Зардари совершил 18–19 мая 2022 г. в США по приглашению вашингтонской администрации. Его встреча с американским госсекретарем Энтони Блинкеном состоялась «на полях» проходившего в Нью-Йорке форума по продовольственной безопасности. Исламабад попытался использовать эту возможность для восстановления пакистано-американских отношений, которые резко ухудшились при экс-премьере Имран Хане, выступавшем за активизацию взаимодействия с Москвой для обеспечения продовольственной и энергетической безопасности для более 220 млн населения Пакистана (в первую

очередь за счет российских поставок пшеницы и энергоносителей по льготным ценам), а также за достижение стабильности в регионе Южной и Центральной Азии, включая «постамериканский» Афганистан.

Выравнивание внешнеполитического курса Исламабада на Вашингтон, по мнению докладчика, способствовало определенному смещению приоритетов во внешней политике Пакистана. В качестве примера И. Н. Серенко привела перенос на январь 2023 г. очередного, 8-го, заседания российско-пакистанской межправительственной комиссии (МПК) по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, которое ранее было запланировано на осень 2022 года. Хотя оно позже, с некоторым опозданием все-таки состоялось 18–20 января 2023 г. в Исламабаде. Стороны подтвердили свою приверженность прочному и всеобъемлющему взаимодействию в сферах энергетики, транспорта и логистики, промышленности, сельского хозяйства, банковского дела и таможни, информационных технологий, высшего образования и науки, а также борьбы с терроризмом и наркотрафиком. По утверждению докладчика, возникшая с приходом к власти правительства Шехбаза Шарифа пауза некоей неопределенности в двусторонних отношениях все же была прервана Исламабадом благодаря осознанию им общности своих стратегических интересов с Москвой в свете постепенного смещения мировых политических и экономических центров развития в Азию на фоне зарождения новой модели сотрудничества, основанной на принципах равноправия и многополярности мироустройства.

К основным вехам российско-пакистанского сближения за истекший год пребывания у власти правительства Шехбаза Шарифа докладчиком была отнесена состоявшаяся 15 сентября 2022 г. встреча лидеров двух государств «на полях» Самаркандского саммита ШОС, где российским президентом В. В. Путиным было подчеркнуто, что Пакистан является «одним из наших приоритетных партнеров и в Юго-Восточной Азии, и в Азии в целом. Отношения между нашими странами складываются в абсолютно позитивном ключе». В ходе совместной встречи стороны обсудили широкий круг вопросов двусторонней и региональной повестки, включая развитие транспортно-логистических коридоров, энергетические маршруты поставок газа, в том числе через магистральный газопровод «Пакистанский поток» (МГПП) с перспективой его подключения к МГПП ТАПИ, что сможет обеспечить взаимосвязанность энергетической инфраструктуры Центральной и Южной Азии. Лидерами двух государств обсуждалась также возможность поставок российского газа с помощью уже имеющейся для этого инфраструктуры в Казахстане и Узбекистане, а далее через Афганистан — в Пакистан. Пакистанский премьер Шехбаз Шариф подтвердил приверженность Исламабада сотрудничеству с Москвой на афганском треке в сфере обороны и безопасности и по другим направлениям двустороннего сотрудничества, включая торговлю, транспорт, энергетику, инвестиции и т.д.

Проблемы достижения мира, безопасности и стабильности на афганской территории для продвижения процессов региональной интеграции обсуждались на состоявшейся в Самарканде 13 апреля 2023 г. четвертой министерской встрече стран-соседей Афганистана. В ней приняли участие руководители внешнеполитических ведомств Ирана, Китая, Пакистана, России, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Они выразили готовность к дальнейшему сотрудничеству по созданию «мирного, единого, суверенного и независимого государства, свободного от угроз терроризма и наркотрафика», подключению Афганистана к крупным международным транспортно-энергетическим, коммуникационным и другим реализуемым соседними странами проектам для активизации социально-экономического развития афганского государства, его интеграции в региональную и мировую экономику. В докладе также отмечалось, что «на полях» этого важного мероприятия состоялись и переговоры главы российского

внешнеполитического ведомства С. В. Лаврова с Государственным министром иностранных дел ИРП Хиной Раббани Хар. В ходе беседы основное внимание участников было уделено состоянию двусторонних отношений, укреплению конструктивного сотрудничества в борьбе с терроризмом. Обсуждались также проблемы региональной и международной повестки, успешное взаимодействие России и Пакистана на различных многосторонних площадках, включая ООН и ШОС. Стороны подтвердили приверженность достигнутым ранее договоренностям о расширении многопланового российско-пакистанского сотрудничества, включая афганский вектор взаимодействия.

И. Н. Серенко подчеркнула, что в ходе совместной пресс-конференции с министром иностранных дел Пакистана Билавалом Бхутто-Зардари по итогам состоявшихся 30 января 2023 г. в российской столице официальных переговоров глава МИД РФ С. В. Лавров с удовлетворением выразил общее мнение сторон о том, что «российско-пакистанские отношения носят конструктивный, взаимовыгодный характер и не подвержены колебаниям международной конъюнктуры». Он также подчеркнул важность интенсификации политического диалога между двумя странами, в том числе на высшем уровне. При этом российский министр выразил признательность «пакистанским друзьям за их объективную взвешенную позицию по вопросам, которые под предлогом украинского кризиса вбрасываются в повестку дня международных организаций». Действительно, проводимая пакистанским руководством политика нейтралитета в российско-украинском противостоянии, спровоцированном США и их западными союзниками, проявилаась при голосовании по всем шести антироссийским резолюциям ГА ООН по Украине, инициированным коллективным Западом с момента начала СВО 24 февраля 2022 года.

И. Н. Серенко напомнила, что, давая оценку двусторонним пакистано-российским отношениям в своей вступительной речи на международной научной конференции «Исламская Республика Пакистан: проблемы и перспективы развития (к 75-летию независимости)», которая состоялась 26 сентября 2022 г. в Институте востоковедения РАН, посол ИРП в РФ Шафкат Али Хан также с удовлетворением отметил их возрастающую траекторию, которая, на его взгляд, не только позитивна, но и безупречна и не зависит от смены правительства. При этом почетный спикер, глава высокопоставленной пакистанской сенатской делегации, Председатель Постоянного комитета Сената Пакистана по правам человека, сенатор Валид Икбаль подчеркнул необходимость дальнейшего развития многопланового сотрудничества между Пакистаном и Россией, выразил признательность и благодарность России за оказанную ею поддержку по вступлению Пакистана в ШОС. Он отметил важность реализации совместных пакистано-российских соглашений, включая флагманский двусторонний проект магистрального газопровода «Пакистанский поток», что, по его оценке, позволит поднять двусторонние отношения на новый уровень в условиях неизбежности «азиатского возрождения».

Российско-пакистанская проблематика в контексте региональной интеграции обсуждалась также и на представительной международной конференции «Пакистан и меняющийся глобальный миропорядок». Этот форум проходил 14–15 декабря 2022 г. в Карачи на площадке старейшего аналитического центра ИРП — Пакистанского Института международных отношений (Pakistan Institute of International Affairs — PIIA), отметившего свой 75-летний юбилей со дня основания. В нем приняли участие более 200 представителей дипломатических, сенатских, научных кругов из Великобритании, Индии, Китая, Непала, Пакистана, США, Шри-Ланки и России, включая сотрудников ИВ РАН. В выступлении почетного гостя данной конференции сенатора Мушахида Хуссейна, председателя Постоянного комитета Сената Пакистана по обороне тоже была выражена мысль о происходящих серьезных изменениях в глобальном балансе

сил, смещении политической и экономической активности в Азию, где Пакистану отводится важная роль благодаря его выгодному стратегическому положению. Сенатор отметил положительный факт продвижения внешней политики пакистанского государства после продолжительного 42-х летнего афганского кризиса по пути деидеологизации, укрепления связей с Китаем, Россией и странами Центральной Азии в условиях региональной интеграции. Он подчеркнул, что осуществляемая Вашингтоном внешняя политика, особенно после поспешного вывода войск из Афганистана, способствовала снижению авторитета США на Ближнем и Среднем Востоке и в мусульманском мире в целом.

Вместе с тем, подчеркнула И. Н. Серенко, это не снижает на практике финансовой зависимости Исламабада от Вашингтона и подконтрольных США международных финансовых структур, тем самым сковывая свободу действий Пакистана на внешнеполитической арене, где ему приходится в первую очередь балансировать на американском и китайско-российском направлениях. Поэтому вполне оправданными и небезосновательными являются опасения Москвы относительно попыток создания различного рода препятствий со стороны США в развитии плодотворных российско-пакистанских отношений, включая вовлеченность России и Пакистана в энергетическое сотрудничество. Так, в размещенном 15 марта 2023 г. на сайте американского посольства в Исламабаде совместном заявлении по американо-пакистанскому диалогу в области энергетической безопасности была подтверждена взаимная приверженность сторон к переходу на возобновляемые и экологически чистые источники энергии, безопасному и процветающему энергетическому будущему через углубление партнерства на основе американо-пакистанского «Зеленого альянса». В рамках Диалога по энергетической безопасности правительства двух стран взяли на себя новые обязательства по развитию сотрудничества в сфере энергетики для достижения Пакистаном использования до 60% возобновляемых источников энергии к 2030 году. При этом американцы постоянно напоминают нуждающемуся в закупке дешевых энергоносителей Пакистану о необходимости соблюдения потолка цен на нефть при заключении сделок с Москвой.

Вполне очевидно, что активизация усилий США на энергетическом треке взаимодействия с Пакистаном негативным образом оказывается на продвижении российско-пакистанской энергетической повестки сотрудничества. Возможно, с этим связана очередная задержка в подписании российско-пакистанского коммерческого соглашения по МГП «Пакистанский поток», а также отсрочка до мая запланированной на апрель текущего года поставки в страну морским путем первой пробной партии российской нефти в портовый город Карачи. В начавшемся российско-пакистанском сотрудничестве в сфере энергетики Исламабад все же видит возможность в кратчайшие сроки выйти из глубокого энергетического кризиса, заложив при этом на взаимовыгодной основе фундамент своей энергетической безопасности в долгосрочной перспективе благодаря имеющемуся для этого у России огромному потенциалу с выходом Пакистана на региональную транспортно-энергетическую взаимосвязанность. По заявлению министра нефти Пакистана Мусадика Малика, страна ежегодно закупает около 70 миллионов баррелей сырой нефти и хотела бы импортировать 35% от ее общего объема из России. Перспектива импорта российской нефти и газа позволит Пакистану, традиционно закупающему энергоносители в Саудовской Аравии и других странах Персидского залива, обрести новый источник в виде российских энергоносителей по доступным ценам. Обеспечение своей продовольственной безопасности Пакистан также связывает с поставкой российской пшеницы, импорт которой вырос за 8 месяцев 2022–2023 финансового года более чем в 8 раз. Пакистан поднялся на позицию пятого по величине импортера российской пшеницы.

Подводя итог сказанному, докладчик пришла к выводу о том, что российско-пакистанское сотрудничество в период правления правительства Шехбаза Шарифа основано на прорыве в двусторонних отношениях, достигнутом предыдущим руководством страны во главе с тогдашним премьер-министром Имраном Ханом. Взаимодействие с Москвой отражает определенную степень преемственности внешнеполитического курса Исламабада на укрепление двусторонних связей. При этом наметившаяся интенсификация российско-пакистанских отношений определяется общностью геостратегических интересов двух стран на региональном и глобальном уровне в сложных условиях перехода к многополярному миру со смещением центров экономической и политической активности с Запада в Азию, что способствует возрастанию стратегического значения евразийских интеграционных процессов. Вовлеченность в них России и Пакистана совместно с дружественными региональными странами определяет перспективы их долгосрочного многопланового сотрудничества как на двусторонней, так и на многосторонней основах в различных евразийских структурах и объединениях, включая такие, как ШОС.

Топычканов П. В. (ИВ РАН; ИМЭМО) в докладе о военно-техническом сотрудничестве Пакистана в современных условиях остановился на некоторых его особенностях и тенденциях развития. Он особо подчеркнул важность крепнущего ВТС с Россией. К числу одного из существенных элементов этого сотрудничества докладчик отнес поставки из КНР в Пакистан самолетов-истребителей нового поколения Thunder JF-17, оснащенного мощным российским мотором. Хотя эти поставки не фигурируют в официальном списке поставок вооружений, они по стоимости занимают существенное место. Китайские истребители теснят аналогичную продукцию из США и других стран Запада. Вместе с тем в общем перечне государств, с которыми Пакистан поддерживает военно-технические связи, большое место занимают США, Англия, Франция, а также, особенно в последнее время, Турция. Развитие пакистано-турецких контактов в военно-технической области можно считать, по мнению докладчика, одним из заметных сдвигов в общем спектре ВТС Пакистана с другими странами. При этом эти подвижки происходят в условиях серьезной нестабильности в стране. П. В. Топычканов особо отметил, что, если у Пакистана есть запас прочности, то он состоит в высокой квалификации ее технических кадров, в том числе военных, в их достижениях в сфере высоких технологий и развитии современных коммуникационно-информационных сетей.

Мачитидзе Г. Г. (МГИМО МИД РФ) в своем выступлении «Афганская политика Пакистана в период правления Шехбаза Шарифа» подчеркнул важность афганской компоненты во внешнеполитическом курсе пришедшего к власти в апреле 2022 г. нового пакистанского руководства. Докладчик попытался ответить на вопрос о том, какое политическое наследие в этом смысле досталось Ш. Шарифу? Он, в частности, отметил, что после захвата талибами власти в Афганистане Исламабад рассчитывал на формирование в Кабуле лояльного Пакистану афганского правительства. Пакистанцы мечтали о том, чтобы в афганском правительстве доминировали не пуштунские националисты, а в большей степени исламисты. Однако этого не произошло. Более того, в Кабуле и Кандагаре правят люди, прекрасно сочетающие в себе пуштунский национализм с исламизмом, правда, в разной степени.

Иными словами, влияние Исламабада на правительство Афганистана уменьшилось, талибы стали меньше прислушиваться к указаниям некогда влиятельного соседа. Не сдвинулось с места решение одного из важнейших вопросов двусторонних отношений — признание линии Дюранда в качестве афгано-пакистанской границы. Как и при прежнем режиме в Кабуле, напряженность на границе сохраняется, возникают артиллерийские перестрелки, разрушаются пограничные заграждения. Не удалось также убедить новые афганские власти сделать необходимые

уступки международным требованиям в отношении управления страной и отказаться от поддержки «Движения талибов Пакистана» (ДТП).

Г. Г. Мачитидзе отметил, что, к большому неудовольствию пакистанцев, отношения между Кабулом и Нью-Дели стали менее враждебными. При этом афганские талибы рассчитывают, что в обозримом будущем Индия может предоставить необходимое финансирование для реконструкции и развития Афганистана, а это сведет на нет пакистанскую концепцию «стратегической глубины». Из-за нестабильности как в зоне Аф-Пак, так и в самом Афганистане Исламабад не смог открыть себе прямой путь в Центральную Азию для активизации торгово-экономических контактов с этими странами.

Докладчик заметил, что сложности возникли и в пакистано-американских отношениях. При этом он попытался ответить на вопрос, является ли Пакистан незаменимым партнером для США на афганском направлении? Как известно, американцы стараются напрямую взаимодействовать с режимом талибов. Определенное недоверие между Вашингтоном и Исламабадом сохраняется, учитывая долгую историю сотрудничества пакистанцев с наиболее радикальной частью движения «Талибан». В Исламабаде опасаются, что США будут опираться на «умеренных» руководителей Афганистана вроде Муллы Барадара, что может привести к укреплению позиций пуштунских националистов в противовес воинствующему исламизму. Кроме того, в Конгрессе США раздаются голоса, требующие лишения Пакистана статуса «основного союзника США вне НАТО», который он имеет с 2004 г.

В то же время при Шехбазе Шарифе заметна положительная тенденция в отношениях с США. Исламабад уверяет, что политика так называемой «нулевой терпимости» к пакистанским талибам реализуется при поддержке США. Глава МИД Пакистана Билавал Бхутто-Зардари во время своего визита в США получил заверения от американских сенаторов относительно готовности предоставить Пакистану средства для отражения трансграничных нападений из Афганистана. Более того, администрация Байдена все чаще контактирует с правительством Ш. Шарифа и военным истеблишментом Пакистана вне зависимости от афганских дел. В частности, это касается использования пакистанской инфраструктуры для отслеживания ситуации в более обширном регионе. Так, осенью прошлого года в пакистанский аэропорт Шамси в Белуджистане было переброшено несколько различных типов американских беспилотных летательных аппаратов. С авиабазы Шамси США могут не только легко уничтожить определенные цели в Афганистане, но и контролировать приграничную территорию Ирана и Китая.

По мнению докладчика, опытные пакистанские политики ничего не делают даром. Исламабад выдвинул в ответ ряд требований, в частности, удалить Пакистан из «серого списка» ФАТФ (межправительственная организация по борьбе с финансированием терроризма), предоставить кредиты Международного валютного фонда, увеличить военную помощь для пакистанской армии. В итоге в октябре 2022 г. ФАТФ исключила Пакистан из списка стран, находящихся под усиленным наблюдением. Такое же решение принял и Европейский союз. Все это было сделано с подачи США.

Более того, отметил докладчик, в рамках программы военных продаж США с Исламабадом было заключено соглашение на поддержку и обслуживание парка пакистанских самолетов F-16 на сумму 450 млн долларов США. В Кабуле считают, что с приходом к власти в Пакистане Шехбаза Шарифа страна вернулась в орбиту американской политики.

Большим испытанием для премьер-министра Ш. Шарифа и для нового главнокомандующего армией Асима Мунира является эскалация террористических акций, которая ведет к растущей дестабилизации в стране, создаваемой такими запрещенными организациями, как

ДТП, «Освободительная армия Белуджистана» (ОАБ), «Белуджская националистическая армия» (БНА), «Народная армия Синдхудеша» (НАС), ИГИЛ-Хорасан и ИГИЛ-Пакистан. Причем ДТП ставит перед собой цель действовать на всей территории Пакистана.» Освободительная армия Белуджистана и «Белуджская националистическая армия» проводят операции главным образом в провинции Белуджистан. Причем белуджские боевики зачастую объединяются с пакистанскими талибами. В действиях «Народной армии Синдхудеша», как и у белуджей, с которыми они взаимодействуют, очевидна антикитайская направленность их террористической деятельности.

ИГИЛ-Хорасан проводит операции не только в Афганистане, но и в провинции Хайбер-Пахтунхва. Еще одной проблемой для нынешнего правительства Пакистана является противодействие группировке ИГИЛ-Пакистан, которая подчиняется ИГИЛ-Хорасан и одновременно связана с ДТП. ИГИЛ-Пакистан несет ответственность за террористические акты в провинциях Панджаб и Белуджистан, хотя группировка имеет ограниченные возможности по сравнению с ИГИЛ-Хорасан и осуществляет меньше нападений.

В итоге в 2022 г. в Пакистане было совершено 512 террористических актов, направленных как против силовиков, так и против гражданских лиц. В результате терактов около 1000 человек погибли и 750 получили ранения. По сравнению с 2021 г. число погибших увеличилось почти на 15%.

Как подчеркнул Г. Г. Мачитидзе, наибольшие проблемы доставляет Движение талибов Пакистана, которое ориентировано на северо-запад Пакистана и насчитывает до 6500 боевиков. ДТП пользуется большой свободой в использовании афганской территории, укрепляет свои позиции как в Афганистане, так и в Пакистане, где созданы многочисленные «спящие ячейки». Некоторые пакистанские эксперты считают, что афганские талибы являются в большей степени идеологической организацией и даже готовы испортить отношения с Исламабадом ради идеологического единства с ДТП. Но есть более важная причина, по которой афганские талибы терпят ДТП на своей территории,— это опасение, что в случае давления члены группировки могут перейти на сторону ИГИЛ-Хорасан.

ДТП надеется создать подобие Исламского эмирата в провинции Хайбер-Пахтунхва и в пуштунском поясе Белуджистана, добивается более строгого соблюдения исламских законов. Оно требует освобождения своих задержанных полевых командиров и боевиков, по-прежнему отказывается сложить оружие, а также ратует за сокращение пакистанского военного присутствия в провинции Хайбер-Пахтунхва. Боевики ДТП устанавливают контрольно-пропускные пункты в провинции, вымогают плату у путешественников, похищают полицейских и армейских офицеров, убивают правительственные чиновников, политических лидеров и племенных вождей, которые выступают против них. Испытывающие страх состоятельные жители провинции Хайбер-Пахтунхва платят ДТП деньги за гарантии безопасности.

Пакистанские талибы предупредили, что если власти объявят войну против ДТП, то группировка будет угрожать непосредственно Шехбазу Шарифу и Бхутто Зардари и их политическим партиям.

В выступлении отмечалось, что критические замечания премьер-министра Ш. Шарифа об Афганистане на 77-й сессии ГА ООН в сентябре 2022 г. усугубили размежевание между Исламабадом и Кабулом. Шариф высказал озабоченность в отношении угрозы, которую представляют собой основные террористические группировки, действующие с территории Афганистана, в том числе «Аль-Каида» и «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ). Министерство иностранных дел Афганистана назвало эти обвинения беспочвенными.

Несмотря на все противоречия и сложности, Исламабад, как полагает Г. Г. Мачитидзе, по-прежнему считает своих бывших афганских союзников основным инструментом сохранения позиций Пакистана в Афганистане. Пакистан по-прежнему готов оказать помощь Афганистану в преодолении экономических и гуманитарных проблем. Пакистанские власти полагают, что они лучше, чем любой другой региональный или вне-региональный игрок, могут убедить афганских талибов принять изменившиеся международные реалии. Поэтому и дипломатическое наступление Пакистана направлено на то, чтобы убедить Запад в том, что стимулы, а не давление, способны изменить поведение талибов. С учетом новой реальности в Афганистане Исламабад призывает внешних игроков разработать дорожную карту, которая приведет со временем к дипломатическому признанию афганского правительства.

Окимбеков У. В. (ИВ РАН) в своем докладе «Роль пуштунского фактора в развитии афгано-пакистанских отношений» отметил, что пуштуны являются самым многочисленным этносом не только в Афганистане, но и в приграничных пакистанских районах. Они играют важную роль как внутри Афганистана, так и в развитии отношений с соседним Пакистаном. Талибы, состоящие главным образом из пуштунов, на сегодня являются самой сплоченной, активной, энергичной политической группировкой Афганистана, вооруженной религиозной идеологией. В отличие от других — прежних и ныне действующих — афганских сил оппозиции, партий и движений их влияние распространяется не только внутри страны, но и за ее пределами, прежде всего в зоне проживания пуштунов Пакистана. Талибан по своей сути представляет собой военно-политическое движение со смесью религиозных и националистических взглядов, поэтому в зависимости от ситуации использует религиозные или национальные лозунги для решения поставленных задач.

Принимая все эти обстоятельства, докладчик сделал заключение, что вероятность возникновения конфликта в пуштунских ареалах Пакистана высока как никогда. Ситуация может стать более серьезной по мере укрепления власти талибов в Афганистане и улучшения материального положения пуштунов. Талибы проводят разного рода мероприятия, указывающие на поэтапную реализацию ими программ роста и усиления влияния пуштунов у себя в стране. Позже это может распространиться и на зону племен в Пакистане, что в итоге негативно скажется на отношениях между двумя государствами. Свою работу они могут осуществить в два этапа. На первом, который уже находится в процессе реализации, талибы активно занимаются улучшением материального положения и политического влияния пуштунов в самом Афганистане, в первую очередь путем возвращения в северные регионы не только беженцев и внутренне перемещенных лиц из числа пуштунов, но и возможного переселения туда новых желающих из южных регионов для освоения свободных земель. На втором этапе они обратят свое внимание на пуштунов пакистанской зоны племен.

У. В. Окимбеков далее поделился своим наблюдением, основанным на изучении исторического материала, о том, что пуштуны на протяжении XIX в. усиливали притеснение представителей других этносов в южных и восточных районах Афганистана. К концу того века они расширили сферу действия этой политики на северные области страны. Переселенческая политика продолжилась и в XX в., что в целом привело к ухудшению межэтнических отношений в северном Афганистане. Практика нахождения у власти последние полтора года талибов показывает, что они по существу проводят ту же политику. Талибы стараются заселять пуштунами северные районы. Сегодня появляется информация о выселении властями жителей населенных пунктов и передаче их земель пуштунам. Власти талибов на местах оправдывают это тем, что

эти земли раньше принадлежали пуштунам и лишь в последние десятилетия незаконно были отобраны у них.

Наряду с этим, отметил докладчик, в последнее время вкладываются бюджетные средства в реализацию крупных инфраструктурных проектов, позволяющих осваивать новые территории, например, плодородные земли бактрийской равнины, других мест. Строительство канала Куш-тепа на Аму-Дарье даст возможность обеспечить поливной водой 550 тыс. га земель, что создаст условия для новой волны пуштунизации севера.

Подобные действия талибов, подчеркнул докладчик, не ограничиваются территорией Афганистана. Сторонники талибов из числа афганских граждан активно участвуют в столкновениях и атаках на пакистанские силовые структуры. На границе в районе пакистанской провинции Хайбер-Пахтунхва боевики ТТП из числа афганцев часто пересекают границу, вступают в перестрелки с пакистанскими пограничниками. По имеющейся информации, каждые 4–5 из десяти членов ТТП являются выходцами из Афганистана. Только за последние три месяца в ходе проведенных пакистанскими вооруженными силами, полицией, а также контртеррористическим управлением операций был ликвидирован 51 афганский боевик. Такая ситуация имеет место не только в полосе племен, в частности в Вазиристане, но и в самой провинции Хайбер-Пахтунхва, а также и других более отдаленных от границы районах. В нападении, например, на полицейский участок в мегаполисе Карачи двое террористов были выходцами из Афганистана.

Заявления лидеров талибов, сделал вывод У. В. Окимбеков, говорят об их желании расширить географию распространения собственной идеологии, но в скором времени они могут задуматься и о расширении территории самого эмирата. Пакистан в этом плане выступает главным кандидатом, поскольку на его территории живет самая многочисленная часть пуштунов. Численность афганской армии, несмотря на отсутствие у талибов бюджетных ресурсов, увеличивается, что также косвенно говорит о подготовке движения к каким-то дальнейшим действиям. По сути они уже взяли власть в стране и обещали не вмешиваться в дела соседних государств. И это снимает вопрос о необходимости создания более мощной армии, так как для подавления небольших сил сопротивления у талибов достаточно имеющихся ресурсов. Накопленный ими за десятилетия силовой потенциал в значительной степени сохранился после прихода к власти, поэтому вполне возможно, что они предпримут попытки применить его в другом направлении.

Нессар О. М. (ИВ РАН), приступая к своему докладу «Динамика афгано-пакистанских отношений после установления режима талибов в Кабуле», напомнил участникам круглого стола о проведенном ранее Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН 28 февраля 2022 г. ситуационном анализе по итогам 6-месячного правления талибов. Уже тогда складывавшаяся ситуация свидетельствовала о появлении первых признаков ухудшения отношений между талибами и Пакистаном. На сегодняшний день отношения между Кабулом и Исламабадом продолжают ухудшаться, развиваясь не так, как ожидали того в Пакистане.

Говоря о том, что история имеет свойство повторяться, докладчик подчеркнул, что последний приход талибов к власти частично повторил динамику афгано-пакистанских связей после первого прихода талибов к власти (1996 г.). Тогда Пакистан рассчитывал, что талибы будут ставить религиозное единство выше этнонационального, и это поможет ослабить движение за Пуштунистан, которое могло бы объединить пуштунов, живущих по обе стороны «линии Дюранда».

Однако пакистанские власти просчитались. Талибы все больше отдалялись от пакистанцев, становясь все менее управляемыми. Важно, что талибы, являясь в подавляющем большинстве

пуштунами, несмотря на свой религиозный радикализм, не спешили отказываться от источника силы, в котором они видели пуштунскую идентичность. В этом вопросе они нешли на уступки. Так, талибы отказались признать «линию Дюранда». Тем не менее в 1990-е гг. у Исламабада было гораздо больше рычагов влияния на афганских талибов. В частности, режим талибов с севера фактически был изолирован, а экономическая зависимость от Пакистана была более заметной. Сейчас степень зависимости талибов от Пакистана по сравнению с первым периодом их правления, по мнению докладчика, заметно снизилась. Это позволяет им игнорировать ожидания Исламабада.

Характеризуя состояние сегодняшних афгано-пакистанских отношений, О. М. Нессар подчеркнул, что талибы не пошли навстречу Пакистану в вопросе разрыва связей с ТТП, преследуя цель создания государственного образования в Пакистане по образцу талибского Афганистана. Кроме того, талибы не стали силой, ориентированной исключительно на Пакистан. В частности, Индия отошла от многолетней политики, означавшей отсутствие официальных контактов с талибами. Кроме того, важным показателем негативного развития двухсторонних отношений являются дипломатические демарши. За время правления талибов по меньшей мере один раз пакистанский посол был вызван в МИД в знак протеста против, как сообщили талибы, обстрела приграничной афганской территории. Талибы неоднократно делали достаточно болезненные для Пакистана заявления. В декабре 2021 г. официальный представитель талибов Забиулла Муджахед заявил о том, что государственный строй Пакистана не является исламским. Судя по всему, заявление было согласовано с руководством движения. В январе нынешнего года в разгар противостояния правительства Пакистана и ТТП был опубликован фрагмент выступления духовного лидера талибов муллы Хайбатуллы, в котором тот назвал пакистанские законы неисламскими, потому что в Пакистане, как он отметил, сохранилась британская система. Данная апелляция ТТП к выступлению Ахундзады также свидетельствует о степени влияния АТ на ТТП.

В развитии взаимоотношений между талибами и Исламабадом за истекшие 1,5 года нахождения их у власти О. М. Нессар выделил существующую напряженность в трех основных направлениях:

Во-первых, это несбывшиеся ожидания Исламабада по поводу эффективности афганских талибов как посредников с ТТП. В Исламабаде после прихода талибов к власти ожидали рассчитывать на урегулирование или смягчение проблем, связанных с деятельностью ТТП. Однако в реальности фиксируется рост активности пакистанских талибов. Пакистанское экспертное сообщество за год после прихода к власти талибов в Афганистане зафиксировало рекордный рост числа терактов на территории страны в полтора раза;

Во-вторых, это рост приграничной напряженности. Вооруженные конфликты между талибами и пограничными силами Пакистана на линии границы стали тенденцией;

В-третьих, это сохраняющаяся активность Индии в Афганистане, включая ее контакты с талибами. Талибы стремятся диверсифицировать внешние связи, что, по всей видимости, не исключает и отношений с Индией. Нью-Дели уже отправлял своих дипломатов в Кабул для переговоров о возможном возобновлении дипломатического присутствия. По сообщениям афганских СМИ, в Кабуле на постоянной основе находятся несколько дипломатов Индии.

Докладчиком было отмечено, что по состоянию на сегодняшний день фактически так и не решен ни один существенный вопрос, решение которого Исламабад ожидал от талибов. Более того, по некоторым направлениям наблюдается рост напряженности, в частности, в пакистано-афганском приграничье. При этом жесткую позицию в отношении Пакистана

заняли не все лидеры талибов. Особенно примечательны менее жесткие заявления и.о. министра обороны муллы Мохаммада Якуба (сына первого лидера талибов муллы Омара). Более лояльную к Пакистану позицию занимает и другой известный лидер талибов — и.о. министра внутренних дел Сираджуддин Хаккани. Тем не менее текущий курс, судя по всему, одобряется верховным лидером движения муллой Хайбатуллой Ахундом.

В заключение О. М. Нессаром был сделан вывод о том, что «Талибан» преодолевает зависимость от Исламабада. По всей видимости, можно говорить о повторении того, что происходило ранее со многими другими афганскими военно-политическими движениями: после прихода в Кабул они либо дистанцировались от Исламабада, либо вовсе брали на вооружение антипакистанскую риторику.

Мелехина Н. В. (ИВ РАН; МГИМО МИД РФ) в докладе «Политика правительства Ш. Шарифа в отношении Индии» отметила принципиальную неизменность курса нынешнего правительства Пакистана от политики предшествующих администраций. Он состоит в непризнании тех шагов, которые индийское правительство предприняло для решения кашмирской проблемы. Она напомнила, что в августе 2018 г., почти сразу после очередных выборов в парламент, кабинет Нарендра Моди принял решение преобразовать штат Джамму и Кашмир, особый статус которого существует с момента раздела колониальной Индии и возникновения проблемы с бывшим одноименным княжеством, на две союзные территории — Джамму и Кашмир и Ладакх. Смелый шаг правительства в Нью-Дели, утвержденный незамедлительно парламентом Индии, был, как отметила докладчик, неожиданностью для Пакистана. Создавшаяся в бывшем штате, особенно в долине Кашмира, острая обстановка, попытки различных политических сил в Индии оспорить решение Н. Моди дали возможность Исламабаду поднять на международном уровне вопрос о правомерности действий индийского правительства. Продолжая ту же линию, отметила Н. В. Мелехина, кабинет Ш. Шарифа снизил тон конфронтации, понимая, что внутреннее положение в его стране не позволяет проведения твердой политики в отношении куда более сильного и успешно развивающегося соседа.

Макаревич Г. Г. (ИМЭМО РАН) в докладе «Индо-пакистанские отношения в 2022–2023 гг.: попытка отменить географию» подчеркнул разный подход Индии к двум своим соседям по континенту. В отношении КНР, соседа с востока, Нью-Дели проводит политику с учетом значимости и растущей роли Китая в мировых и региональных делах. При этом он не собирается уступать Пекину в вопросах, связанных с территориальными спорами и неурегулированной границей в Гималаях. Что касается Пакистана, соседа с запада, то Индия старается как бы «не замечать» его, давая понять, что этот ее сосед — страна неустроенная, раздираемая внутренними противоречиями, небольшая по сравнению с ней и не заслуживающая ее внимания. В этом и есть особенность индийской политики на «отмену географии», т.е. пренебрежение к Пакистану, что, по мнению докладчика, может привести в будущем к серьезным осложнениям.

Хайцева М. В. (ИВ РАН), раскрывая тему своего доклада «Политика кабинета Шехбаза Шарифа в отношении инфраструктурных проектов (КПЭК)», отметила, что действующий премьер-министр Пакистана Шехбаз Шариф и его правительство придают инфраструктурным проектам первостепенное значение. Так, за последний год было запущено и завершено несколько больших объектов в области транспортной и дорожной инфраструктуры: линия автобусного сообщения между Пешаваром и местечком Морр и международным аэропортом Нового Исламабада, проект эстакады на Равал-роуд, автобусное сообщение Green and Blue Metro в столице, автомагистраль Суккур-Хайдарабад (M-6), участок Кучлак-Хуздар автомагистрали Кветта-Карачи. Помимо этого, при участии Китая была открыта угольная электростанция в пустынном

регионе Тхар в Синде. Кроме того, Шехбаз Шариф инициировал ряд проектов для пакистанцев, проживающих заграницей, которых он считает ценным активом, способным привлечь в страну инвестиции.

Докладчик подчеркнула особое внимание, которое правительство Ш. Шарифа в целом уделяет реализации инвестиционной программы Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК). Премьер назвал его «высшим национальным приоритетом», примером «всепогодного стратегического партнерства» с Китаем. Сразу после того, как Шехбаз Шариф был объявлен новым премьер-министром Пакистана в апреле 2022 г., он заявил о своем намерении вдохнуть новую жизнь в КПЭК. Делегация китайского посольства была среди первых дипмиссий, поздравивших его с избранием. Это связано с тем, что КПЭК был запущен в 2015 г. лично его братом Навазом Шарифом, когда тот был премьер-министром Пакистана, а Шехбаз занимал должность главного министра Панджаба. Они оба активно ратовали за его осуществление.

М. В. Хайцева отметила, что, по мнению многих в Пакистане, Шехбаз «сыграл решающую роль в продвижении КПЭК вперед». Первые в Пакистане системы общественного транспорта были введены в эксплуатацию в Исламабаде, Мултане и родном городе Шарифов Лахоре. Его трудовая этика и сдача проектов раньше срока впечатлили китайскую сторону настолько, что его работу нередко называли «пенджабской скоростью».

После победы партии «Пакистан Техрик-е-Инсаф» («Движение за справедливость») на всеобщих выборах в августе 2018 г. министры кабинета Имран Хана начали активно обвинять Шехбаза в коррупции и получении взяток от китайских государственных предприятий, работающих над проектами КПЭК в провинции Панджаб. Пекин был недоволен сложившейся ситуацией и отсутствием рвения со стороны администрации И. Хана. Несмотря на давление китайской стороны и пакистанского истеблишмента, как заявила докладчик, И. Хан и его правительство не проявляли энтузиазма по поводу КПЭК. Активность замедлилась до такой степени, что большинство незавершенных объектов сильно отстали от графика, а новые крупные проекты не запускались.

Хотя в период правления И. Хана в рамках КПЭК было создано три особые экономические зоны и проводились регулярные встречи на высшем уровне с китайским руководством, китайская сторона все громче стала жаловаться на бюрократическую волокиту, особенно препятствующую выплате сотен миллионов долларов, причитающихся государственным предприятиям, которые эксплуатируют электростанции, построенные во время правления Н. Шарифа. В итоге о новых проектах объявлено не было. И, несмотря на все усилия администрации И. Хана, Китай не выделил средства на капитальный ремонт разрушающейся сети железных дорог Пакистана стоимостью 6,8 млрд долл.

Став премьером Пакистана, Шехбаз Шариф назначил Ахсана Икбала министром планирования, реформ и специальных инициатив. Он занимал этот пост в 2015–2018 гг. и курировал реализацию первого этапа КПЭК от имени администрации Наваза Шарифа. На недавнем заседании 11-го Совместного комитета по сотрудничеству в рамках КПЭК в формате видеоконференции Ахсан Икбал выделил три основные задачи: возрождение КПЭК, включение новых проектов и продвижение сотрудничества «бизнеса с бизнесом», которое ранее основывалось на отношениях между правительствами. В своем выступлении он перечислил значительные достижения администрации Наваза Шарифа в рамках КПЭК, в частности, привлечение свыше 20 млрд долл. китайских инвестиций в Пакистан. Вместе с тем он обрушился с критикой на правительство Имрана Хана, которое, по его мнению, из-за плохого управления и непонимания сути проекта фактически поставило под угрозу реализацию данной многомилиардной

инициативы и подорвало доверие существующих и потенциальных китайских инвесторов. Он заявил о том, что управление таким сложным и стратегическим проектом, как КПЭК, требует не только хорошо скоординированного, зрелого и прозрачного подхода, но и административной преемственности и политической стабильности. И нынешнее правительство преисполнено решимости все это обеспечить.

Подводя итог сказанному, докладчик сделала вывод о том, что различные инфраструктурные проекты, столь важные для страны и населения, ожидали стали объектами внутриполитической борьбы. В то же время эта борьба имеет и определенное значение для внешнеполитического курса Пакистана, отражаясь на предпочтениях и приоритетах в этой области.

В заключительной части круглого стола состоялась общая дискуссия «Политическое положение в Пакистане на сегодняшний день и ближайшие перспективы», в ходе которой экспертами были озвучены возможные сценарии развития складывающейся сложной ситуации в стране, испытывающей одновременно глубокий экономический, политический и конституционный кризисы, а также влияние внешних факторов на внутреннее положение в государстве. Основной вывод, сделанный в ходе обсуждения, состоял в том, что проведение досрочных выборов в провинциях Панджаб и Хайбер-Пахтунхва вряд ли состоится. Обострение политической борьбы может привести к массовым выступлениям в поддержку Имран Хана и введению на некоторый период военного или полу военного (военно-гражданского) правления. В случае если парламентские выборы состоятся, победа на них нынешней оппозиции в высшей степени вероятна.